

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ: ПРОБЛЕМА СОСТАВА

© 2006 Т.А. Данилевская

Воронежский государственный университет

Проблема состава сочинительных союзов, т. е. набора языковых средств, осуществляющих сочинительную связь в простом и сложном предложении, напрямую связана с вопросом о функции сочинительных союзов, отличии сочинительной и подчинительной связи, союзной и бессоюзной связи. Некоторые из этих вопросов будут рассмотрены в данной статье.

Разграничение сочинения, подчинения и бессоюзия имеет давнюю традицию. Пожалуй, самым известным эпизодом в разработке учения о видах связи стала дискуссия А. М. Пешковского и М. Н. Петерсона. Статья А. М. Пешковского “Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений?” закрепила в русском синтаксисе понятия сочинения и подчинения, которые до этого времени оставались нераскрытыми.

Различия между сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями А. М. Пешковский находит прежде всего в союзах, оформляющих сочинительные и подчинительные отношения. Выявленные различия заключаются в следующем. В простом предложении показатель подчинительной связи словоформ находится в одном из соединяемых слов: *листовое железо*, при сочинении — между соединяющимися словами: *хлеба и зрелищ* или при каждом “из относящихся” (при повторяющихся союзах: *и холод и сеча*). Положение показателей связи то же и в сложных предложениях (при подчинении — в одном из соединяемых предложений, при сочинении — между предложениями), кроме того перемещение подчинительного союза ведет к изменению смысла предложения: *Он не был в классе, потому что заболел — Он заболел, потому что не был в классе*. Это связано с “припаянностью подчинительного союза к своему предложению”, хотя перемещение части предложения вместе с подчинительным союзом возможно. При сочинении одно из сочиненных предложений невозможно вставить в другое, а союз здесь

“одинаково чужд и одинаково общ обеим соединяемым величинам” [7, 140-146]. Таким образом, в работе А. М. Пешковского хотя не перечислен состав сочинительных союзов, но обозначен формальный критерий их отделения от подчинительных.

Однако в грамматиках и работах по синтаксису русского языка среди сочинительных союзных средств называют сочетания с подчинительными союзами. Например, в список сочинительных союзов часто попадает сочетание уступительного союза *хоть (и)* с союзом *а, но, да* во второй части. А. Н. Гвоздев называет предложения с такими союзами и с союзами *в то время как, тогда как* — уступительные и сопоставительные — “переходными между сочинением и подчинением” и отмечает их смысловую близость с противительными предложениями [1, 88]. В Русской грамматике-80 все двухместные союзы предлагается вывести за рамки противопоставления сочинительных и подчинительных союзов, так как они “могут быть образованы сочинительно-подчинительным способом и перемещение их компонентов невозможно” [8, 615].

“Неудобства”, возникающие при попытке отнести подобные союзы к сочинительным, вызваны тем, что в предложениях с такими сочинительно-подчинительными союзами есть имплицитные части, т. е. невербализованные части конструкции. В работе Н. П. Перфильевой приводится полный набор компонентов семантики уступительно-противительных предложений: а) исходная ситуация, б) ожидаемое следствие, в) ситуация, несоответствующая ожиданию, — обратное следствие, г) мотивировка [6, 63]. Последний компонент является факкультативным.

Получается, что в предложениях с так называемыми сочинительно-подчинительными союзами, в частности в уступительно-противительных предложениях, происходит редукция формальных элементов высказывания. Из-за

того, что содержательное звено регулярно оказывается невербализованным, такие предложения воспринимаются как сложносочиненные: *Я, хоть весь и сжался от отчаяния, но все-таки сумел промямлить, что пришел вовсе не за этим* (В. Ерофеев “Москва – Петушки”); *Еремей Ионович хоть и нуден, но толков* (Б. Акунин “Турецкий гамбит”); *Знакомый штабист шепнул, что генерал-майору в грядущем приступе отводятся хоть и не ключевая, но очень важная роль* (там же). Здесь невербализованным остается компонент – ожидаемое следствие. Если трансформировать предложение, то обязательная содержательная трехчленность становится очевидной: *Я, хоть весь и сжался от отчаяния, следовательно, был не в состоянии говорить, но все-таки сумел промямлить, что пришел вовсе не за этим*. Сочинительный союз в подобных предложениях соединяет имплицитную и вербализованную части и тем самым фиксирует противоречие между реальным и ожидаемым следствием, тогда как подчинительный союз – между условием и реальным следствием [5, 17]. Сравните с обычным сложноподчиненным предложением уступки: *Хотя мне было очень узко и неловко в новом платье, я скрыл это ото всех* (Л. Толстой “Детство”) – *Хотя мне было очень узко и неловко в новом платье, следовательно, я должен сказать об этом, я скрыл это ото всех*.

Другие подчинительные союзы, встречающиеся в простых и сложносочиненных предложениях (*если и... , потому что...*), обычно выражающие отношения обусловленности и причинности, также являются сигналами пропущенного элемента высказывания (чаще всего неполного предложения), с которым они соединены, и потому не могут быть отнесены к сочинительным союзам.

Помимо отграничения сочинительных от союзов от подчинительных, другой проблемой, касающейся состава сочинительных союзов, является отделение собственно союзов от других частей речи, выполняющих в некоторых ситуациях схожие функции. Распространено утверждение, что частицы могут самостоятельно выполнять функцию средств связи синтаксических единиц.

Так, в Грамматике-54 среди сочинительных союзов приводятся такие слова, как *тоже, также, зато, однако, же*.

В Грамматике-70 к ним добавляются следующие слова: “союзы и полусоюзные слова – частицы, наречия, модальные слова”: *потому, поэтому, следовательно, значит, все-таки, тем не менее, устойчивые сочетания между тем, при всем том, союзы-частицы: лишь, только, разве что* [3, 672].

В Русской грамматике-80 “аналогов союзов” насчитывается уже более тридцати. Отдельно назван “потенциальный эквивалент союзов” *же*. Отмечено, что специфика *же* состоит в его “акцентирующей функции” и позиционной специализации: *же* не может находиться в начале присоединяемой части, а всегда прикрепляется к выделяемому в сопоставлении компоненту: *Зато назавтра пресс-клуб было не узнать: русские сидели мрачные и подавленные, корреспонденты же были взвинчены, переговаривались вполголоса* (Б. Акунин “Турецкий гамбит”). Основная функция частиц и состоит именно в выражении модально-экспрессивных оттенков предложений и слов. Смысловое выделение и интонационное акцентирование – предназначение частиц в предложении, функция сочинения им не присуща, отсюда и формальные, позиционные ограничения их употребления. Подобные ограничения есть у всех “аналогов союзов”.

Тоже, также помещаются не вначале присоединяемого предложения, а внутри него, обычно перед сказуемым второго предложения: *Она нравилась мне все больше и больше, я тоже, по видимому, был симпатичен ей* (А. Чехов “Огни”).

Зато, называемый возмездительным союзом, напротив, не имеет фиксированного положения в предложении и может перемещаться: *Она никогда не расспрашивает о школе, зато ее интересуют пустяки* (Ю. Трифонов “Время и место”); ср. *Она никогда не расспрашивает о школе, ее зато интересуют пустяки*; *Она никогда не расспрашивает о школе, ее интересуют пустяки зато*; *Серезжа заметил, что пухлого мешка бабок нет, зато есть несколько зеленых бумажек с портретом благообразного лысоватого толстяка* (В. Пелевин “Жизнь насекомых”) – ср. *Серезжа заметил, что пухлого мешка бабок нет, есть зато несколько зеленых бумажек с портретом благообразного лысоватого толстяка*.

Сказанное относится и к *однако*: *Д’Эвре приветливо улыбнулся вошедшим и задержал взгляд на Варе, однако продолжил игру* (Б. Акунин “Турецкий гамбит”) – ср. *Д’Эвре приветливо улыбнулся вошедшим и задержал взгляд на Варе, продолжил однако игру*.

Все “аналоги” могут употребляться вместе с сочинительными союзами: *Знаете, эти долгие желтые пространства, почти лишенные растительности, но все же не похожие на пустыню* (В. Пелевин “Жизнь насекомых”). Но союз занимает фиксированное положение между соединяемыми компонентами, а “аналог” может перемещаться: *Знаете, эти долгие желтые пространства, почти лишенные растительности, но не похожие все же на пустыню*. Подобным образом ведут себя и другие частицы, не внесенные в спи-

сок “аналогов”: *Рука давила на плечи Арнольда с такой силой, что он осел под ней... и даже вспомнил про каменную десницу из трагедии Пушкина* (там же) — ср. *Рука давила на плечи Арнольда с такой силой, что он осел под ней... и вспомнил про каменную десницу из трагедии Пушкина даже*.

Вышесказанное применимо и к вводным и модальным словам, причисляемым к сочинительным союзам некоторыми исследователями [9, 126]: *Он близорук, у него даже есть очки; правда, надевает он их редко, только в кино* (Ю. Трифонов “Время и место”) — ср. *Он близорук, у него даже есть очки; надевает он, правда, их редко, только в кино*. Иногда отмечается тесная связь союза и вводного слова, когда перемещение последнего невозможно: *Через два дня завернутые в рогожу мины, которым назначено повернуть судьбу России, а может быть, целого мира, поедут в вагоне третьего класса в Александровск* (Ю. Трифонов “Нетерпение”). Но мы не считаем это достаточным условием для выделения *а может быть* в качестве отдельного сочинительного союза. В данном случае модальное слово имеет тесную связь не столько с союзом, сколько с лексическим наполнением предложения, к тому же такие нераздельные сочетания невозможны с союзом *и*. Если же признавать каждое сочетание сочинительного союза с вводным словом, являющимся его модификатором, отдельным союзом, то их окажется неисчислимо множество: *а значит, но следовательно...*

В целом “аналоги союзов” не соответствуют требованиям, предъявляемым сочинительным союзам А. М. Пешковским. Позиция, занимаемая аналогами, отлична от позиции сочинительных союзов. Некоторые частицы не могут находиться между частями сложносочиненного предложения (*же*), другие — могут практически свободно передвигаться внутри предложения (*однако, зато* и др.).

Кроме того, ни один сочинительный союз не может стоять рядом с другим сочинительным союзом, частицы и другие аналоги позволяют такое соседство: *Серезжа никак не мог взять в толк, как это он роет и роет в одном направлении и все равно каждое утро откапывает дверь на работу, но зато понимал, что размышления о таких вещах еще никого не привели ни к чему хорошему, и поэтому предпочитал особенно на эту тему не думать* (В. Пелевин “Жизнь насекомых”); *Смерть — это тот кустарник, в котором стоим мы все. Это не плач похоронный, а также не черный бант* (И. Бродский “Холмы”).

Вслед за Е. Н. Ширяевым [10, 14–22] мы не считаем аналогии союзов сочинительными союзами еще и потому, что они, находясь в “сильной” для различения сочинительного союза позиции,

не проявляют его характерных свойств. Процедура разграничения истинных сочинительных союзов и других слов такова: необходимо так трансформировать предложение, чтобы проявилась и-функция соединительного элемента, общая для всех сочинительных союзов, — способность “показывать одинаковую отнесенность двух компонентов к третьему” [10, 20]. Ни один из аналогов союзов при проверке и-функции не проявляет. Сравните: *Застигнутый врасплох жандарм вытянулся в струнку, а Варя во все глаза уставилась на главного сатрапа и палача свободы* (Б. Акунин “Турецкий гамбит”) — *Он сказал, что застигнутый врасплох жандарм вытянулся в струнку, а что Варя во все глаза уставилась на главного сатрапа и палача свободы; Он близорук... зато слух у него превосходный* (Ю. Трифонов “Время и место”) — **Она сказала, что он близорук, зато что у него превосходный слух*. При аналогах союзов позиция сочинительного союза всегда свободна, ср.: *Она сказала, что он близорук, но что зато у него превосходный слух*. Значит, приравнивать союзы и аналоги союзов по синтаксической функции нельзя.

Эти слова являются “коннекторами, выполняющими в том или ином отношении подобную (но не тождественную!) союзам функцию” [5, 11]. В сочетаниях с истинным союзом они выступают в роли модификаторов смысловой связи между предикативными частями предложения. Употребляясь без союза, модификаторы эксплицируют смысл отношения между частями но не сложносочиненного, а бессоюзного предложения.

Итак, сочинительными союзами можно считать слова, обозначающие одинаковую отнесенность, в том числе и потенциальную, двух (и более) связываемых этими союзами компонентов к третьему.

К формальным признакам сочинительных союзов относятся:

— фиксированная позиция между предикативными частями сложносочиненного предложения, между однородными членами предложения (в некоторых случаях при пропозитивных членах предложения неоднородными, но все такие случаи сводимы к однородности);

— только повторяющиеся соединительные и разделительные союзы типа *ни... ни, либо... либо* имеют свои показатели еще и в начале предложения. Сочетания *не только... но и* и подобные, на наш взгляд, корректнее считать разновидностью опорного союза (в данном случае союза *но*), осложняющей устойчивой конструкцией первую часть предложения.

Сочинительные союзы обслуживают сложносочиненные предложения, в которых способ

организации информации — соположение двух и более информационных блоков, “интерпретируемых как одноранговые... феномены” [4, 353], в отличие от подчинения, где способ организации информации — включение (и потому справедливо замечание А. М. Пешковского о невозможности вставки одной части сложносочиненного предложения в другую). Если же такая вставка необходима, то она осуществляется не грамматическими, а лексическими средствами — анафорическими словами: *Митя чувствовал, что мышь рядом, и это беспокоило его куда сильнее, чем логические построения* (В. Пелевин “Жизнь насекомых”); *Выход был в паутинообразном сооружении под потолком, и так я и поступил* (И. Бродский “Трофейное”).

В бессоюзном сложном предложении способ связи не охарактеризован, поэтому нет грамматических показателей связи — союзов; частицы только эксплицируют смысловые отношения между частями такого предложения.

Учитывая эти обстоятельства, на наш взгляд, состав сочинительных союзов нецелесообразно пополнять за счет частиц, вводных слов и других элементов, так как это приводит к путанице таких понятий, как сложное союзное и бессоюзное предложение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык: часть 2-я (Синтаксис): Учеб. для фак. русского языка и литературы пед ин-тов / А. Н. Гвоздев — М.: Просвещение, 1958. — 302 с.

2. Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова, т. 2, ч. 2, Синтаксис. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — 440 с.

3. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1970. — 768 с.

4. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. / А. М. Ломов. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. — 400 с.

5. Лунина О. А. Выражение отношений противоречия в сложных предложениях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лунина Ольга Анатольевна. — Воронеж, 2001. — 24 с.

6. Перфильева Н. П. Синтаксический статус уступительно-противительных конструкций (в сопоставлении с адверсативными конструкциями) / Н. П. Перфильева // Структурно-функциональный анализ языковых единиц: Сб. науч. тр. — Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. — с. 50-60.

7. Пешковский А. М. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? / А. М. Пешковский // Избранные труды. — М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. — с. 131-147.

8. Русская грамматика т. 2 — Синтаксис // Гл. ред. — Н. Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — 709 с.

9. Санников В. З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис / В. З. Санников. — М.: Наука, 1989. — 267 с.

10. Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е. Н. Ширяев — М.: Наука, 1986. — 223 с.

Рецензент — А. М. Ломов.